

ФОРУМ

Письмо в редакцию

Уважаемые коллеги,

В № 6 вашего журнала помещена публикация двух рукописных отрывков, полученных А. Бабиковым из нью-йоркского архива В. Набокова и представленных им как два фрагмента начатого писателем в 1931 г. романа «Райская птица» (первый вариант «Камеры обскуры»). Обсуждая второй из этих отрывков, публикатор сослался на мой комментарий к письмам Набокова Глебу Струве, где приведена довольно большая цитата из него (Звезда. 2004. № 4. С.142–143), и выразил недоумение тем, что я назвал цитируемую рукопись не фрагментом «Райской птицы», а «черновым автографом рассказа без заглавия и даты». В связи с этим я должен сделать некоторые пояснения.

Я работал в нью-йоркском архиве Набокова более двадцати лет назад, когда его русская часть еще не была полностью разобрана и описана, и потому исследователей допускали к ней лишь в порядке исключения, а ксерокопирование и фотографирование рукописей строго запрещались. У меня сохранились лишь краткие записи, из которых следует, что в папке под названием “Rayskaya ptitsa. Holograph draft of beginning of unfinished novel, signed V. Sirin and dated Jan. 21, 1937” (ее упоминает и Бабиков) тогда находились два документа на десяти листах:

1. Начало «Райской птицы» на одном листе, опубликованное Бабиковым как «Отрывок 1»;
2. Черновик рассказа без названия и даты на девяти листах (17 страниц).

Согласно моим записям, герой-нарратор в рассказе — художник, влюбленный в замужнюю женщину Таню, чей муж (его фамилия Красовский) находится в сумасшедшем доме. Он приходит к ней в гости на день рождения (она пообещала в этот день, наконец, ему отжаться), приносит в подарок щенка и застает там мужа, сбжавшего из лечебницы. В финале рассказа Таня произносит слова, напоминающие ключевую фразу о нежности в «Знаках и символах»: «Не хочу больше накапливать нежность, чтобы потом ее отняли».

Как сообщает Бабиков, ныне в соответствующей папке находятся лишь три листа рукописей, хотя в архивной описи (как и в моих ста-

рых записях) указано, что их должно быть десять. Следовательно, из 17-ти страниц автографа, некогда полностью прочитанного мной, он получил только четыре и, естественно, принял их за фрагмент «Райской птицы». На самом же деле опубликованный им «Отрывок 2» есть не что иное, как самое начало набоковского рассказа, который кроме меня видел, кажется, только Максим Шраер, когда в 1994 г. собирал материал для своей работы о рассказах Набокова. Я не имею ни малейшего представления о том, куда запропастились недостающие семь листов документа, — скорее всего, уже после составления описи их по ошибке переложили в другую папку, — но надеюсь, что рано или поздно они будут найдены, и мы получим возможность, восстановив рукопись в ее целостности, убедиться, что она прямого отношения к замыслу «Райской птицы» не имела.

С наилучшими пожеланиями журналу,

Александр Долинин

Ответ А. Долинину

Сообщаемые А. Долининым сведения о прочитанной им некогда архивной рукописи сами по себе очень любопытны. Сомнительно, правда, чтобы Таня могла «пообещать» рассказчику-художнику «наконец, ему отдаться», как пишет Долинин, да еще непременно в день своего рождения: это не вяжется с ее образом и сильно напоминает бездарный роман графомана Ильи Борисовича из рассказа Набокова «Уста к устам» (1931), у которого пожилой герой, поселившийся в своей квартире молодую Ирину, «хотел, чтобы она сама к нему пришла и воскликнула: “Возьми меня, мою чистоту, мое страдание... Я твоя”».

Долинин, однако, совершенно не проясняет главного: по каким признакам он определил, что второй отрывок из папки, помеченной “*Rayskaya ptitsa. Holograph draft of beginning of unpublished novel*” (курсив мой), является черновиком *рассказа*, а не *главы* всё того же незавершенного романа «Райская птица»? Какие у Долинина имеются основания так полагать, если (как он сам указал еще в 2004 г.) второй отрывок не имеет ни заглавия, ни даты (ни пагинации, добавим мы)? Не имеет он и подписи, в отличие от первого отрывка, озаглавленного «Райская птица. Роман» и датированного: «21–I–31». По-прежнему не ясно и другое: как Долинин определил, что этот «рассказ» имел финал («В финале рассказа Таня произносит сло-